Расстояние между нами

Автор:
Кейси Уэст

Расстояние между нами

Кейси Уэст

Учебные романы

Семнадцатилетняя Кайман считает, что люди делятся на богатых и на тех, кто им что-нибудь продает. Она относится ко второму типу. После школы Кайман работает в магазине фарфоровых кукол. Стоять за прилавком – не самое ее любимое занятие. Поэтому она придумывает себе развлечение – наблюдать за богачами и потешаться над ними.

В один прекрасный день в магазин заходит Ксандер. Он красив, обаятелен, уверен в себе и невероятно богат. После этой встречи жизнь Кайман изменится навсегда. Девушка знает, что доверять богатым нельзя, но чем больше она общается с Ксандером, тем больше ее влечет к нему.

Впервые на русском языке! Мировой бестселлер!

Кейси Уэст

Расстояние между нами

Kasie West

The distance between us

Copyright © 2013 Kasie West

© Медведь О. М., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Глава первая

Глаза буквально прожигают дыру в странице. Я должна это знать. Обычно я с легкостью разделываюсь с подобными задачами, но сейчас решение не приходит в голову. Раздается звон дверного колокольчика, и я быстро убираю домашнее задание под стойку и поднимаю взгляд. В магазин заходит парень с сотовым.

Что-то новенькое.

Не сотовый, конечно, а парень. Я не хочу сказать, что мужчины в принципе не заглядывают в кукольный магазин… Хотя, что уж тут, мужчины и правда не часто к нам заходят. Такое случается лишь несколько раз за год, не чаще. Если же они все-таки появляются на пороге, то, как правило, следуют по пятам за женщинами и выглядят при этом крайне смущенными… или заскучавшими. Но этот парень другой. Он один. Ведет себя уверенно. Так уверенно, как может вести себя только человек с деньгами… Большими деньгами.

Я слегка улыбаюсь. В нашем небольшом прибрежном городке есть два типа людей: богатые и те, кто им что-то продает. Видимо, деньги вдохновляют на коллекционирование бесполезных вещей, таких, например, как фарфоровые куклы (прилагательное «бесполезные» ни в коем случае нельзя употреблять по отношению к куклам в присутствии моей мамы). Богачи – наше постоянное развлечение.

– В смысле, ты хочешь, чтобы я выбрал? – Мистер Богатей между тем не перестает с кем-то говорить по телефону. – Бабушка не сказала, какую именно

она хочет? Хорошо, я все сделаю.

Он с тяжелым вздохом убирает сотовый в карман и подзывает меня. Да, именно что подзывает. Только так я и могу описать этот жест. Он даже не взглянул на меня, просто поднял руку и двумя пальцами подозвал к себе. Он рассматривает кукол, в задумчивости потирая подбородок, и даже не поворачивается ко мне. Я бросаю на покупателя оценивающий взгляд. Неопытный продавец, возможно, и не уловил бы окружающую парня ауру богатства, но я вижу ее так четко, будто она материальна. Он буквально пропах деньгами. Скорее всего, его костюм стоит больше, чем весь мой гардероб, вместе взятый (хотя тут мне похвастаться нечем: все мои наряды помещаются в одном малюсеньком шкафу). Конечно, его одежду нельзя назвать вызывающе роскошной, ведь действительно дорогие вещи всегда выглядят сдержанно. Брюки-карго, розовая рубашка (высокий воротник небрежно расстегнут, рукава закатаны) были явно куплены не на распродаже в ближайшем торговом центре. Плотная, без единого изъяна ткань, ровная, будто по линейке выполненная, прострочка, идеальной формы пуговицы… Сразу становится понятно, что владелец такой рубашки, если он того захочет, сможет скупить весь магазин. Ну или не он, а его родители. Сначала я не поняла, насколько молод посетитель, потому что уверенное поведение добавляло ему возраста, но стоило мне подойти ближе, как иллюзия рассеялась. Может быть, он даже моего возраста? Наверное, ему лет семнадцать. Хотя, возможно, и на год больше. Удивительно, как мой ровесник, человек, еще не поживший и толком ничего не видевший, может вести себя так надменно… Очевидно, что такое отношение к жизни он впитал с молоком матери.

– Могу ли я помочь вам, сэр? – Только моя мама смогла бы услышать сарказм, звучащий в моем голосе.

– Да, мне нужна кукла.

– Простите, но мы всё распродали.

Многие не понимают моего юмора. Мама называет его сухим. Думаю, в ее интерпретации это означает «несмешной». А еще она говорит, что я единственная, кто понимает собственные шутки. Может, если бы я, пошутив, тут же рассмеялась собственной остроте, как это делает мама, когда помогает клиентам, то люди стали бы реагировать на мои слова должным образом. Но это выше моих сил.

– Смешно, – говорит парень так, будто на самом деле не считает это смешным, а просто хочет, чтобы я замолчала. Удивительно, но он до сих пор даже не взглянул на меня. – Как думаешь, какая из них понравится женщине в возрасте?

– Любая.

И тут он поворачивается ко мне. На долю секунды в его глазах мелькает удивление, будто он ожидал увидеть перед собой взрослую женщину – виной всему мой голос, он немного ниже, чем у обычного подростка, – но это не мешает ему спросить спокойный тоном:

– А какая нравится тебе?

Можно ответить «никакая»? Хоть этот магазин – мое неизбежное будущее, он является маминой любовью, а не моей.

– Я неравнодушна к вечным плакальщицам.

– Что, прости?

Я показываю на фарфоровую малышку – ее рот открыт в беззвучном крике, а глаза плотно закрыты.

– Предпочла бы не видеть их глаза, ведь глаза могут многое сказать. Вот их говорят: «Я хочу украсть твою душу, так что лучше не поворачивайся ко мне спиной».

Он награждает меня улыбкой и лицо его тут же меняется самым удивительным образом: надменное выражение пропадает, черты смягчаются, – и парень оказывается вдруг весьма привлекательным. Ему определенно стоит улыбаться почаще. Однако я даже не успеваю закончить свою мысль, как его улыбка исчезает.

– Скоро день рождения моей бабушки, и мне нужно выбрать для нее куклу.

– Тут сложно ошибиться. Если ей нравятся фарфоровые куклы, то понравится любая из них.

Он вновь смотрит на полки:

– Почему плакальщицы? Почему не сони? – Он окидывает взглядом куклу, изображающую спокойного на вид ребенка, чьи светлые кудряшки украшает огромный розовый бант. Лицо куклы кажется расслабленным, ручки в умилительном жесте подпирают щеку.

Я тоже смотрю на куклу и сравниваю ее с плакальщицей рядом. С той, чьи кулаки сжаты, пальцы на ногах скрючены, а щеки порозовели от гнева. «Потому что именно так я и живу – в беззвучном крике», – подумала я, но, слава богу, не сказала этого вслух. Вместо этого я пожала плечами и ответила:

– Обе сойдут.

На самом деле клиентов не интересует истинное мнение продавца, они желают, чтобы ты подтвердила их собственное, только и всего. Так что если мистер Богатей хочет купить для бабушки спящего ребенка, то кто я такая, чтобы его останавливать?

Он качает головой, словно стараясь прогнать какую-то непрошеную мысль, и небрежным жестом показывает на совершенно другую полку. Там тоже стоят пожирательницы душ, только совсем иного толка. Девочка, на которую он указывает, одета в клетчатую школьную форму и держит на поводке черного шотландского терьера.

– Думаю, эта подойдет. Ей нравятся собаки.

– Кому? Вашей бабушке или… – Я щурюсь, чтобы прочитать табличку перед куклой. – Пегги?

– Совершенно очевидно, что Пегги нравятся собаки, – говорит он, и на его губах играет слабая улыбка. – Я имел в виду бабушку.

Я открываю шкафчик под полочкой, чтобы найти коробку от Пегги. Достаю ее, осторожно беру девочку с собакой и табличку с ее именем и иду к кассе.

– Почему у собаки нет имени? – интересуется Мистер Богатей, пока я тщательно упаковываю куклу. – Пегги и собака, – читает он вслух название на коробке.

– Потому что люди предпочитают давать животным клички своих любимых питомцев.

– Правда?

– Нет. На самом деле я и понятия не имею почему. Но могу дать номер телефона художника, сделавшего Пегги. Можете спросить у него.

– У тебя есть номер мастера?

– На самом деле нет. – Я механически пробиваю чек.

– Тебя сложно понять, – вздыхает парень.

Почему он пытается меня понять? Мы же говорили о куклах. Он протягивает мне кредитную карточку, и я провожу ее через аппарат. На карточке написано имя: «Ксандер Спенс». Ксандер? И как же правильно произносится это имя? Даже спрашивать не буду, мне все равно. Я и так была достаточно милой. Будь мама здесь, она бы осталась мною довольна. Конечно, мама лучше меня скрывает раздражение – она даже от меня его скрывает, – но я списываю это умение на годы практики.

У Ксандера звонит телефон, и он достает его из кармана:

– Алло?

Пока я жду, когда аппарат выдаст чек, открываю ящик под кассой и кладу табличку с именем к другим, проданным в этом месяце. Так мы не забудем, каких кукол надо снова заказать.

– Да, нашел. Она с собакой. – С минуту он слушает. – Нет, это не собака. Она кукла с собакой. – Ксандер разворачивает к себе коробку и смотрит на изображение Пегги, потому что сама кукла уже упакована. – Думаю, она милая. – Взглянув на меня, он пожимает плечами, словно спрашивая, согласна ли я. Я киваю, ведь Пегги действительно милая. – Да, продавщица это подтвердила. Она милая.

Знаю, милой он назвал не меня, но он так акцентировал слово «она», что во мне на секунду зародилась предательская мыслишка: а что, если милая – это я? Опустив взгляд, я отрываю чек и протягиваю Ксандеру ручку, чтобы тот расписался. Он проделывает это одной рукой, и я, сравнив подпись с той, что стоит на карточке, возвращаю кредитку.

– Нет, не… в смысле, она тоже, но… Ох, ты знаешь, о чем я. Все в порядке. Скоро буду дома. – Он вздыхает. – Да, после пекарни. Напомни мне сбежать, когда у твоего помощника будет выходной. – Он закрывает глаза. – Я не это хотел сказать. Да, конечно, так я больше ценю то, что имею. Ладно, мам, скоро увидимся. Пока.

Я протягиваю ему упакованную куклу.

– Спасибо за помощь.

– Не за что.

Он берет из подставки на стойке визитную карточку и некоторое время ее рассматривает.

– И не только?

Наш магазин называется «Куклы, и не только». Он спрашивает то же, что и все, кто приходит в наш магазин и видит только кукол. Я киваю.

– Куклы, и и не только куклы.

Он наклоняет голову.

– Раньше мы продавали чарм-браслеты, мягкие игрушки и прочую ерунду, но куклы стали ревновать.

В его взгляде читался вопрос: «Ты это серьезно?» Очевидно, во время своих вылазок, проходящих под лозунгом «пообщайся с обычными людьми, чтобы больше ценить свою жизнь», он прежде никогда не сталкивался с такими, как я.

– Дай угадаю, куклы угрожали украсть твою душу, если не выполнишь их требования?

– Нет, они угрожали освободить души прошлых владельцев, а этого мы допустить не могли.

К моему удивлению, он засмеялся. Кажется, я удостоилась особой чести. И тут неожиданно для себя я тоже начинаю улыбаться. Затем киваю на визитку:

– Мама обожает кукол, и она устала от плюшевых мышат. – К тому же мы больше не могли позволить себе дополнительных расходов. Чем-то нужно было пожертвовать, и уж точно не куклами. А поскольку мы на мели (нам едва хватает денег, чтобы держаться на плаву), название магазина и визитные карточки остались прежними.

Он тыкает пальцем в визитку:

– Сьюзен? Это твоя мама?

Больше там ничего не написано – только ее имя, а ниже номер телефона магазина, как будто она стриптизерша какая-то. Мне становится неловко, когда она раздает визитки за пределами магазина.

– Да, сэр.

– А ты? – Он встречается со мной взглядом.

– Ее дочь.

Знаю, он спрашивает мое имя, но я не стану его называть. Первое, что я усвоила в отношении богачей: отношения с обычными людьми они находят забавными, но никогда не переступают черту и не позволяют им вырасти во что-то серьезное. И лично меня это устраивает. Богачи отличаются от всех остальных людей, и за ними я предпочитаю наблюдать с безопасного расстояния. И по возможности с ними не общаться.

Он кладет визитку на место и отступает на несколько шагов:

– Ты знаешь, где находится «Пекарня Эдди»?

– Через два квартала в ту сторону. Будь осторожен, их черничные маффины вызывают зависимость.

Он кивает:

– Принято к сведению.

Глава вторая

– Нет, мы не продаем кукол Барби, только фарфоровые, – отвечаю я по телефону уже в пятый раз, но женщина меня совершенно не слышит и продолжает твердить, как расстроится ее дочка, если ей не удастся найти королеву фей. – Я понимаю. Может, вам стоит поискать в «Уолмарт»?

– Уже искала. Они все распроданы. – Она еще что-то бормочет, мол, считала, будто у нас хороший кукольный магазин, а потом отключается.

Я кладу трубку и, повернувшись к Скай, закатываю глаза. Но она этого не замечает, потому что лежит на полу и наблюдает за ожерельем, которое раскачивает над собой туда-сюда.

Скай Локвуд – моя единственная подруга. Не потому, что ребята в моей старшей школе плохие. Просто они меня не замечают. И это неудивительно, ведь я ухожу еще до ланча и никогда не посещаю общественные мероприятия.

Скай на несколько лет старше меня и работает в соседнем магазине, в котором продается много «и не только», – это антикварная лавка под названием «Скрытые сокровища», которую я именую «Очевидным барахлом». Но многие любят этот магазин.

В мире науки Скай была бы хозяином, а я – ее паразитом. У нее есть жизнь, а я притворяюсь, что это и моя жизнь тоже. Другими словами, ей на самом деле нравится многое: музыка, винтажная одежда и странные прически, – а я лишь притворяюсь, что меня это тоже интересует. Нет, я нормально отношусь к ее увлечениям, просто… мне все равно. Но мне нравится Скай, так почему бы не уступить ей? Тем более, я понятия не имею, что мне действительно нравится.

Я со вздохом переступаю через подругу.

– Ты еще не нашла ответы на жизненные вопросы? – Скай любит на полу магазина предаваться философствованию (причудливый эквивалент выражению «спор с самим собой»).

Она стонет и прикрывает глаза рукой.

– Что мне изучать, если я пойду в колледж? – Будь ее воля, она бы всю жизнь работала в сувенирной лавке, но колледж очень важен для ее папы, который никогда там не учился и поэтому, повзрослев, стал распорядителем похорон.

– Нытье?

– Ха-ха. – Она садится. – А ты что будешь изучать?

Без понятия.

– Долгосрочные последствия философствования.

– А может, искусство сарказма?

– Я более чем уверена, что в этом вопросе уже стала магистром.

– Нет, серьезно, что ты будешь изучать?

Частенько я слышу эти фразы: «Нет, серьезно», «Если серьезно» и «А на самом деле». Так говорит человек, который хочет узнать правду. Вот только я не хочу делиться своими настоящими мыслями.

– Еще не решила. Думаю, какое-то время поучусь без профилирующего предмета.

Она снова ложится:

– Да, наверное, я тоже. Возможно, как только начнутся занятия, мы найдем свое призвание.

И тут Скай резко вскакивает и ахает.

– Что такое?

– Мы должны вместе ходить на занятия! В следующем году. Ты и я. Это было бы круто!

Я ей миллион раз говорила, что в следующем году не собираюсь в колледж. Маме это не понравится (именно поэтому я ей пока не рассказала), но я планирую взять перерыв на год или два, чтобы помогать ей с магазином. Но Скай выглядит такой счастливой, что я просто вежливо улыбаюсь и киваю. Тогда она начинает на ходу придумывать песенку:

– Мы с Кайман вместе учимся. Призвание ищем свое… – Пока она опускается на пол, ее голос постепенно затихает и превращается в счастливое мурлыканье.

Две маленькие девчушки, которые недавно ушли, перетрогали в магазине все, что только можно. Мама считает, когда люди знают имя куклы, то им легче в нее влюбиться. Поэтому перед каждой куклой стоит табличка с именем. Теперь все эти таблички перемешаны, поменяны местами или лежат плашмя. А самое печальное – мне известно, что табличка с именем Бетани находится возле куклы Сьюзи. Это очень. Очень. Печально.

У Скай звонит сотовый.

– Алло… Нет. Я в «Магазинчике кошмаров». – Так она называет мой магазин.

Какое-то время она молчит, а потом говорит:

– Я не знала, что ты зайдешь. – Она встает и прислоняется к стойке. – Правда? Когда? – Накручивает прядь волос на палец. – Ну, во время того шоу я была слегка не в себе. – Голос Скай под стать ее имени – легкий и воздушный, поэтому всё, что она говорит, звучит мило и невинно. – Так ты еще здесь? – Она проходит мимо кукольных колыбелек и накрытых скатертью столов к витрине и выглядывает наружу. – Вижу тебя… Я в соседнем магазине кукол. Иди сюда. – Подруга убирает сотовый в карман.

– Кто это?

– Мой парень.

– Парень. Значит, я наконец-то с ним познакомлюсь?

Она улыбается:

– Да. Скоро ты поймешь, почему я сразу согласилась стать его девушкой, когда на прошлой неделе он предложил мне встречаться. – Она распахивает входную дверь и едва не срывает с крючка колокольчик. – Привет, малыш.

Он обнимает ее, а затем она немного отходит в сторону:

– Кайман, это Генри. Генри – Кайман.

Не знаю, может, я плохо присмотрелась, но точно не вижу в нем ничего особенного.

Он тощий, с длинными засаленными волосами и острым носом. На воротнике футболки с изображением какой-то рок-группы висят солнцезащитные очки, к пряжке ремня пристегнута длинная цепь, которая свисает до колена и исчезает в заднем кармане. И я невольно подсчитываю, сколько шагов он сделал от

магазина Скай до моего и сколько раз эта цепь, должно быть, ударилась о его ногу.

– Как жизняк? – спрашивает он. Серьезно! Он действительно так и сказал.

– Эм… ничего…

Скай широко улыбается мне, будто говоря: «Видишь, я знала, что он тебе понравится». Эта девушка даже в мокрой крысе способна найти хорошее, но я все равно не понимаю, что у этой парочки может быть общего. Скай красивая, хотя и не в общепринятом смысле. Люди иногда даже на улице останавливаются, чтобы поглазеть на нее. Сперва их привлекают ее взъерошенные светлые волосы с розовыми кончиками, бриллиантовый пирсинг в подбородке и чумовая одежда, но потом они замечают, насколько она хороша – у нее пронзительно-голубые глаза и умопомрачительная фигура.

Генри оглядывается по сторонам:

– Ого, вот это психоделика.

– И не говори. Сначала это немного сбивает с толку.

Я осматриваюсь. Да, сначала это и правда немного сбивает с толку. За рядами кукол почти не видно стен. И все они смотрят на нас. Но ведь у мамы в ход пошли не только стены, хаотично расставленные на полу столы, колыбельки и коляски, переполненные куклами, напоминают огромный причудливый лабиринт. В случае пожара до двери будет не так-то легко добраться. Придется распихивать детей, чтобы выбраться. Ненастоящих детей, но все же.

Генри подходит к кукле в килте.

– Эйслин, – читает он имя на табличке. – У меня есть такой же прикид. Можно взять эту куклу и поехать с ней в турне.

– Ты играешь на волынке? – спрашиваю я.

Он бросает на меня странный взгляд:

– Не-а. Я играю на гитаре в «Красти Тодс»[1 - Crusty Toads (англ.) – противные жабы. – Здесь и далее прим. переводчика.].

Вот оно что, теперь понятно, почему Скай с ним. Она испытывает слабость к музыкантам. Но могла бы найти и кого-то получше парня, который выглядит как прообраз названия своей группы.

– Дай, ты готова?

– Ага.

Дай? Спрошу об этом позже.

– До встречи, Кайвман[2 - Caveman (англ.) – пещерный человек.], – с гоготом произносит он, вид у него такой довольный, словно он берег эту шутку с той самой секунды, как нас познакомили.

Ну вот, уже и не нужно спрашивать Скай насчет Дай. Он один из тех парней, которые всем подряд придумывают прозвища.

– Пока, Противная Жаба Генри.

Как только они покидают магазин, через заднюю дверь заходит мама. В руках у нее пакеты с продуктами.

– Кайман, можешь помочь? Там еще несколько пакетов. – Она идет прямиком к лестнице.

– Хочешь, чтобы я ушла из магазина? – Вопрос звучит глупо, но она сама не разрешает мне покидать торговый зал. Во-первых, куклы дорогие, и если какую-нибудь украдут, то у нас будут проблемы. В магазине нет ни камер видеонаблюдения, ни сигнализации – это слишком дорого. Во-вторых, мама придает слишком уж большое значение обслуживанию клиентов. Если кто-то зайдет, я должна поздороваться с ним без промедления.

– Да. Пожалуйста. – Похоже, она запыхалась. У моей мамы, королевы йоги, одышка? Она что, бегала кругами?

– Хорошо.

Взглянув на входную дверь и убедившись, что никто не идет, выхожу и забираю оставшиеся продукты. Отношу их наверх и, переступив через пакеты, оставленные мамой сразу за дверью, ставлю на стойку нашей крохотной кухоньки, которая прекрасно вписалась бы в кукольный домик. Такова наша жизни. Куклы. Мы их продаем. Живем в их доме… серьезно, наш дом размером с кукольный: три малюсенькие комнаты, одна ванная и миниатюрная кухня. Уверена, размер нашего дома – главная причина, почему мы с мамой так близки. Выглядываю из-за угла и вижу, что мама лежит на диване.

– Мам, ты в порядке?

Она садится, но не встает:

– Да, просто устала. Слишком рано встала.

Начинаю разбирать пакеты, убираю мясо и замороженный яблочный сок в морозилку. Однажды я попросила маму покупать сок в бутылках, но она ответила, что он слишком дорогой. Мне было шесть. Тогда я впервые поняла, насколько мы бедны. А затем еще не раз в этом убеждалась.

– Ох, милая, не разбирай. Я через минуту этим займусь. Вернешься в магазин?

– Конечно.

По пути к двери отодвигаю к стойке пакеты, которые мама оставила на полу, и удаляюсь. Спускаясь вниз, вспоминаю, что, когда утром уходила в школу, мама еще была в кровати. Как же это она тогда «слишком рано встала»? Оглядываюсь назад, горя соблазном развернуться и уличить ее во лжи. Но не делаю этого. Занимаю место за кассой, достаю задание по английскому и, не поднимая головы, выполняю его, пока над входной дверью не звенит колокольчик.

Глава третья

В магазин заходит одна из моих любимых покупательниц. Она в возрасте, но энергичная и веселая. У нее темно-рыжие волосы, которые иногда отливают фиолетовым – зависит от того, как давно она их красила. И она всегда носит шарф, как бы жарко на улице ни было. Сейчас осенняя погода порой оправдывает наличие на ней шарфа, и сегодня он ярко-оранжевый с пурпурными цветами.

– Кайман, – произносит она с улыбкой.

– Здравствуйте, миссис Далтон.

– Дорогая, твоя мама здесь?

– Она наверху. Мне позвать ее или я сама смогу вам помочь?

– Я жду куклу по спецзаказу и хотела узнать, не пришла ли она.

– Давайте проверим. – Достаю из ящика под кассой журнал заказов и довольно легко нахожу имя миссис Далтон – записей там всего ничего, и большинство заказов на ее имя. – Похоже, она придет завтра, но давайте я позвоню и уточню, чтобы вам не пришлось приезжать зря. – Звоню и убеждаюсь, что куклу действительно привезут завтра после полудня.

– Прости, что побеспокоила. Твоя мама предупреждала меня, но я надеялась, что ее привезут раньше. – Она улыбается. – Она для моей внучки. У нее через несколько недель день рождения.

– Круто. Уверена, она ей понравится. Сколько лет исполнится маленькой счастливице?

– Шестнадцать.

– О-о. Большой счастливице. – Не знаю, что еще сказать, не показавшись грубой.

Миссис Далтон смеется:

– Не волнуйся, Кайман. У меня для нее есть и другие подарки. Этот скорее чтобы угодить бабуле. Я дарила внучке куклу на каждый день рождения с тех пор, как ей исполнился годик. Мне сложно прервать эту традицию, и неважно, сколько ей лет.

– И мама вам за это благодарна.

Миссис Далтон смеется. Она понимает мои шутки. Может, потому, что сама по себе немного саркастична.

– Она единственная девочка, поэтому я слишком ее балую.

– А для мальчиков у вас какая традиция?

– Пинок под зад.

– Замечательная традиция. Думаю, вам и им на дни рождения стоит дарить кукол. Возможно, они чувствуют себя обделенными.

Она хихикает:

– Наверное, стоит попробовать. – Она с грустью смотрит на журнал заказов, будто надеется, что дата магическим образом изменится и кукла окажется здесь. Затем открывает сумочку и начинает в ней копаться. – Как дела у Сьюзен?

Я оглядываюсь назад, как будто мама спустится вниз при одном упоминании своего имени.

– У нее все хорошо.

Миссис Далтон достает небольшую красную записную книжку и начинает ее листать.

– Ты сказала, завтра после полудня?

Я киваю.

– О нет, я не смогу ее забрать. У меня на это время запись к парикмахеру.

– Ничего страшного. Мы придержим ее для вас. Можете забрать ее в среду или любой другой день на неделе, когда вам будет удобно.

Она берет черную ручку со стойки и что-то записывает в своей книжке.

– А можно за ней кого-нибудь прислать?

– Конечно.

– Его зовут Алекс.

Я записываю это имя в графе получения.

– Хорошо.

Она берет мою руку и сжимает ее в своих ладонях:

– Ты такая хорошая девушка, Кайман. Здорово, что ты помогаешь маме.

Иногда я задаюсь вопросом, насколько тесно эти дамы, которые приходят в наш магазин, общаются с моей мамой. Что они знают о нас? Знают ли о моем отце? Будучи испорченным ребенком из богатой семьи, он сбежал прежде, чем мама успела закончить фразу: «Я беременна, что нам делать?» Его родители заставили ее подписать какие-то документы, в которых говорилось, что она никогда не станет претендовать на алименты. Они заплатили ей отступные, которые, в конечном счете, послужили стартовым капиталом для магазина кукол. И поэтому мне совершенно не хочется встречаться со своим драгоценным папочкой. Да и он не искал со мной встреч.

Ладно, признаюсь, совсем немного мне этого хочется. Но после того, что он сделал с моей мамой, это кажется неправильным.

Я сжимаю руку миссис Далтон в ответ:

– Ой, ну вы же меня знаете, я борюсь за награду «Лучшая дочь во Вселенной». Слышала, в этом году дают кубок.

Она улыбается:

– Думаю, ты уже выиграла.

Я закатываю глаза. Она гладит меня по руке, а затем неспешно выходит из магазина, разглядывая по пути кукол.

Я устраиваюсь на стуле и продолжаю читать. Почти в семь вечера бросаю взгляд на лестницу, уже, кажется, в триллионный раз. Мама так и не спустилась. Странно. Она редко оставляет меня одну в магазине, если находится дома. Заперев дверь, опустив жалюзи и выключив свет, я беру стопку писем и поднимаюсь наверх.

Дома пахнет восхитительно – сладкой вареной морковкой и пюре с подливкой.

Мама стоит у плиты и помешивает подливу.

Едва я собираюсь ее поприветствовать, как она говорит:

– Знаю. В этом-то и проблема.

Поняв, что она разговаривает по телефону, я иду в свою спальню снять обувь и на полпути вновь слышу ее голос:

– Ой, я тебя умоляю. Они здесь не живут, чтобы пересекаться с обычными людьми.

Должно быть, она разговаривает с лучшей подругой. Мама не знает, что я подслушала много таких разговоров. Я разуваюсь в своей комнате и возвращаюсь обратно на кухню.

– Хорошо пахнет, мам, – отмечаю я.

Она подпрыгивает от неожиданности и быстро лепечет:

– Мне пора, Кайман только что пришла. – Она смеется над чем-то, что говорит ей подруга. Ее смех похож на мелодичную песню.

Для двоих кухня тесновата, поэтому я постоянно получаю от нее пинки, налетая на углы стойки или ударяясь о ручки шкафчиков. Я быстро понимаю, что вдвоем мы тут не поместимся, обхожу стойку и оказываюсь в небольшой обеденной зоне.

– Прости, что не спустилась к тебе, – говорит мама, повесив трубку. – Решила приготовить горячий ужин. Давненько я ничего такого не готовила.

Я сажусь и просматриваю принесенную с собой почту.

– Есть повод?

– Нет. Просто захотелось.

– Спасибо, мам. – Достаю счет за электричество в розовом конверте. Непонятно, почему они выбрали именно розовый цвет для конвертов, в которых приходят уведомления о задолженности. Возможно, так весь мир (или, по крайней мере, почтальон) поймет, что эти люди – безответственные должники? Думаю, для этого лучше бы подошел тошнотно-желтый. – Нужно оплатить в течение двух суток.

– Ну вот. Оно единственное?

– Похоже на то.

– Хорошо. Оплачу чуть позже онлайн. Просто положи на стойку.

Мне даже не придется вставать, чтобы дотянуться до стойки – она находится на расстоянии вытянутой руки от стола. Мама приносит две тарелки с дымящейся едой и ставит одну передо мной. Во время ужина мы мило беседуем.

– Ой, мам, забыла рассказать тебе про парня, который на днях заходил в магазин.

– И что с ним?

– Он подозвал меня.

– Уверена, он просто пытался привлечь твое внимание.

– А еще никто не научил его улыбаться, – продолжаю я. – И в какой-то момент он скривил губы.

– Надеюсь, ты оставила эти мысли при себе. – Она отправляет вилку с пюре в рот.

– Нет, я сказала ему, что по вечерам ты преподаешь уроки улыбок. Думаю, завтра он придет.

Она резко вскидывает голову, но потом понимает, что я шучу, и, выдохнув, пытается скрыть улыбку.

– Сегодня опять заходила миссис Далтон.

Теперь мама улыбается по-настоящему:

– На прошлой неделе она тоже заходила. Она так взволнована, когда ждет куклу.

– Знаю, это мило. – Я прочищаю горло и рисую на пюре загогулины, а потом смотрю на маму.

– Прости, что сегодня бросила тебя внизу. Погрязла в бумагах.

– Все нормально.

– Ты же знаешь, что я благодарна тебе, да?

Я пожимаю плечами:

– Это пустяк.

– Не для меня. Не знаю, что бы я без тебя делала.

– Думаю, обзавелась бы кошками.

– Правда? Думаешь, я бы стала кошатницей?

Я медленно киваю:

– Да. Либо это, либо собирала бы щелкунчиков.

– Что? Щелкунчиков? Но ведь мне даже не нравятся орехи.

– Тебе они и не должны нравиться. Орехи не нужны тому, кто хочет коллекционировать деревянных кукол с широко открытыми ртами.

– То есть ты думаешь, что без тебя я была бы совершенно другим человеком и любила бы котов или щелкунчиков?

Без меня она жила бы совершенно другой жизнью. Возможно, поступила бы в колледж, вышла замуж и родители бы от нее не отреклись.

– Ну да. Эй, без меня в твоей жизни не было бы юмора и любви. Ты была бы очень грустной женщиной.

Она смеется:

– Это точно. – Она кладет вилку на тарелку и встает. – Ты доела?

– Да.

Мама берет мою тарелку и ставит ее на свою, но я успеваю заметить, что она почти ничего не съела. Подойдя к раковине, она быстро ополаскивает тарелки.

– Мам, ты готовила, я убираюсь.

– Хорошо, спасибо, дорогая. Пойду почитаю в кровати.

Через двадцать минут все убрано. По пути в свою комнату я заглядываю к маме, чтобы пожелать ей спокойной ночи. На груди у нее лежит открытая книга, а сама она уже спит. Мама действительно сегодня устала. Может, встала пораньше, как она и сказала, чтобы поработать, а потом снова легла спать? Я закрываю книгу, кладу ее на прикроватную тумбочку и выключаю свет.

Глава четвертая

На следующий день после школы я захожу в магазин и с удивлением замечаю у стойки мужчину. Смуглая кожа, темная короткая бородка и темная одежда. Да, темное – это прям его. Он словно источает тьму, но мама все равно ему улыбается, а ее щеки пылают. Когда на двери звенит колокольчик, они оба смотрят на меня.

– Привет, Кайман, – здоровается мама.

– Привет.

– Что ж, увидимся, Сьюзен, – говорит незнакомец.

Мама кивает.

– Кто это? – спрашиваю я, когда он уходит, и закидываю рюкзак за стойку. – Алекс?

– Кто такой Алекс?

– Парень, который должен забрать куклу миссис Далтон.

– Ох, нет. Это просто клиент.

Ну конечно. Смотрю на него в окно. Неженатый мужчина лет сорока – клиент? Я уже открываю рот, чтобы произнести это вслух, как мама говорит:

– Хорошо, что ты пришла. Мне нужно до часа успеть на почту. – Она берет две коробки и стопку конвертов и идет к черному ходу. – Ох, кукла миссис Далтон в подсобке.

– Хорошо. Пока.

Открывается входная дверь, и я поднимаю голову, ожидая вновь увидеть маминого «клиента», но меня приветствует унылый Генри. Не знаю, то ли он принял душ, то ли чехол с гитарой и правда украшает парней, но теперь мне становится ясно, что в нем нашла Скай.

– Привет, Кайвман.

Ну вот. Похоже, он забыл мое настоящее имя.

– Привет, Тод. Скай здесь нет.

– Знаю. Я хотел сыграть тебе песню, которую написал для нее. Оценишь?

– Конечно, давай.

Он садится на пол и достает гитару. Прислоняется к шкафчику, вытягивает ноги и скрещивает их перед собой. Куклы на освещенных стеклянных полках над ним и деревянные колыбельки рядом словно служат декорациями для психоделического видеоклипа. Генри берет несколько аккордов, потом прочищает горло и начинает петь.

Песня довольно неплохая, но такая банальная. На строчке о том, что без Скай он умрет, мне хочется рассмеяться, но я сдерживаюсь. А к концу песни я уже целиком и полностью понимаю, почему он нравится Скай. Более чем уверена, что

и сама сейчас мечтательно на него глазею. Так что, когда чьи-то аплодисменты нарушают тишину, возникшую после песни, у меня краснеют щеки.

У входной двери стоит Ксандер. Сегодня он выглядит еще богаче – идеально уложенные волосы, дизайнерская одежда и кожаные мокасины от «Гуччи» на босу ногу.

– Отличная песня, – говорит он Генри.

– Спасибо. – Генри смотрит на меня в ожидании вердикта.

– Да, она потрясающая.

Он облегченно вздыхает и откладывает гитару. Я перевожу взгляд на Ксандера.

– Меня отправили по еще одному поручению, – говорит он.

– Еще один день общения с обычными людьми, который поможет тебе больше ценить жизнь? – Я даже не сомневалась, что в прошлый раз сказала нечто подобное, однако его обиженный взгляд дает мне понять, что, вероятно, я только подумала об этом. Ну да ладно, в любом случае, это всего лишь шутка (вроде). Если он ее не понял, это его проблемы.

– Что-то типа того, – бормочет он.

Генри встает:

– Шотландская кукла моя, так что руки прочь.

Ксандер поднимает руки вверх:

– Не интересует.

У меня такое ощущение, что Ксандер думает, будто Генри говорит вовсе не о кукле в килте. Но если Ксандер не заинтересован, то это не имеет значения.

Генри идет к двери:

– Я исполню эту песню на нашем выступлении в пятницу вечером. Приходи. Мы играем в «Скрим Шаут». В десять.

«Скрим Шаут» – захудалый клуб в пяти кварталах отсюда, в нем местные группы играют за копейки, а то и бесплатно для немногочисленной, изрядно подвыпившей публики. Время от времени я хожу туда со Скай, но, по правде говоря, это место не для меня.

Ксандер смотрит вслед Генри, а затем с важным видом поворачивается ко мне:

– Бабушка попросила забрать заказанную куклу.

– Твоя бабушка? – Я открываю журнал, соображая, не пропустила ли заказ.

– Кэтрин Далтон.

– Миссис Далтон – твоя бабушка?

– Почему тебя это так удивляет?

Я закрываю рот. Потому что миссис Далтон такая милая и земная… Ты же павлин чистой воды: идеальный маникюр, дорогущая одежда (по крайней мере, так я оправдываю его высокомерие).

– Я просто не знала, вот и все.

– Значит, она никогда не рассказывает о своем блестящем внуке?

– Я думала, она пришлет Алекса.

– Я и есть Алекс.

Вот как. Ксандер – это сокращение от Александера.

– Так тебя зовут Алекс или Ксандер?

По его лицу расползается надменная улыбка, будто я искала его в Интернете или просматривала страницы светской хроники в еженедельной газете.

– Твоя кредитка, – говорю я, напоминая ему, что в прошлый раз он ею воспользовался.

– Ах да. Все, кроме бабушки с дедушкой, зовут меня Ксандер. Меня назвали в честь дедушки, так что сама понимаешь, как это бывает.

Даже не представляю.

– Да, конечно.

– Итак, дочь Сьюзен… – Он облокачивается на стойку и, взглянув на маленькое деревянное яблоко, которое нам давным-давно подарил один клиент, начинает крутить его волчком. – Моя кукла пришла?

У меня вырывается смешок.

– Да, пришла. Подожди минутку. – Приношу из подсобки коробку и ставлю ее на стойку. Странно, что мама не открыла ее и не осмотрела куклу. Иногда они приходят треснувшими или сломанными, и за это несет ответственность служба доставки. Беру канцелярский нож из серебристого стаканчика возле кассы и разрезаю упаковочную ленту. – Я только проверю, не ампутировали ли ей во время путешествия конечности.

– Хорошо.

Достаю из коробки упаковку с куклой, уронив при этом несколько пенопластовых шариков, и осторожно открываю ее.

– Мэнди, – читает он ее имя на крышке.

– Мэнди в отличном состоянии. Твоя бабушка будет довольна. Кукла ведь для твоей сестры?

– Нет, для кузины. Скарлетт. Кукла так на нее похожа, что это даже немного пугает.

– Твоя кузина носит кружевные носочки и вязаные платья?

– Нет. Но волосы… и этот хитрый взгляд.

– Значит, у твоей кузины короткие черные волосы и страсть к приключениям?

– Именно так.

Я пододвигаю к нему коробку:

– Передавай бабушке от меня привет.

– А она поймет от кого?

– Все понимают.

– Кажется, все, кроме меня. – Он достает телефон и нажимает на пару кнопок.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Передаю бабушке от тебя привет.

Я закатываю глаза:

– Это жульничество!

– Не знал, что мы играем. – Он впервые за разговор улыбается мне, и меня тотчас охватывает радость, что он так редко это делает. Эта улыбка поражает сильнее любого оружия. – Привет, ба. Я забрал куклу… Да, юная леди из магазина помогла мне с ней. Она просила передать тебе привет… Нет, не Сьюзен.

Я громко смеюсь.

– Ее дочь. Темные волосы, зеленые глаза.

Я опускаю взгляд, удивляясь тому, что он знает цвет моих глаз. Вот его глаза карие с золотистыми крапинками. Не подумайте ничего такого, я просто внимательная.

– Шестнадцать?… – Ксандер вопросительно смотрит на меня, я в ответ качаю головой. – Семнадцать?

С половиной.

– Кайман? – Он приподнимает брови, и я вздергиваю плечами. – Так вот, Кайман передает привет… Милая?

Насчет милой не знаю, но она нечто. – Он какое-то время молчит. – Я вежлив. Это ее стоит попросить быть повежливей. Она даже не представилась… Нет, не потому, что я был заносчивым.

Обожаю миссис Далтон.

Записываю в журнал дату и время, когда забрали заказ. Затем, не знаю почему, дописываю после «Алекс» хвостик «андер». Закрываю журнал и убираю его под стойку. Ксандер до сих пор внимательно слушает бабушку. В какой-то момент он встречается со мной взглядом и поднимает палец. Вынимает из кармана кошелек и, даже не глядя, достает из него кредитку.

– Она уже оплачена, – шепчу я.

Он кивает и убирает кошелек назад.

На какие-то слова бабушки он улыбается. Ох уж эта улыбка. И что в ней такого? Может, она такая обворожительная из-за идеально ровных белоснежных зубов? Нет, дело не только в этом. На самом деле она немного кривовата: один уголок рта приподнимается чуть выше другого. И время от времени он покусывает нижнюю губу. Эта улыбка делает его, обычно такого надменного и уверенного в себе, очень ранимым.

– Ладно, ба, мне пора. Кайман, наверное, ждет не дождется, когда я уйду из магазина. Ей ведь надо работать.

Странно слышать, как он произносит мое имя. Так он кажется кем-то большим, чем обычным клиентом. Будто мы давно уже знаем друг друга.

Он убирает телефон в карман:

– Кайман.

– Ксандер.

– Это значит, я победил?

– Не знала, что мы играем.

Он берет куклу и, улыбаясь, не спеша идет к выходу.

– Еще как знала.

Глава пятая

Около года назад мама стала организовывать в подсобке магазина дни рождения для маленьких девочек. Тогда эта идея казалась мне нелепой (да и до сих пор так кажется), но она придумала заказывать незаконченные куклы, а потом приглашать девочек и разрешать им их доделывать: выбирать одежду, цвет волос и глаз. Таким образом домой они забирали кукол, почти что сделанных своими собственными руками. Сначала мама даже разрешала им раскрашивать глаза, но это действо превратилось в «Калейдоскоп ужасов 101». Так что теперь я сижу за стойкой и раскрашиваю глаза, пока мама в подсобке помогает девочкам подобрать одежду и волосы. В хорошие дни в наши карманы набегает около сотни долларов. Но чаще всего нам везет, если мы хотя бы покрываем расходы (мама – простачка, она разрешает девочкам брать более трех положенных по правилам предметов одежды).

Сегодня, думаю, мы заработали долларов двадцать, но мне все равно хочется прикрыть эту лавочку с празднованием дней рождений. Вот только смех маленьких детей делает маму счастливой, поэтому я не жалуюсь. Выходя из магазина, девочки прижимают к себе кукол в новых нарядах, хихикают и трогают все на своем пути. Следующие два часа мама будет приводить в порядок «комнату для посиделок» (ранее известную как комната отдыха).

В магазин заходит Скай, а за ней тащится Генри.

– Вчера нам тебя не хватало, – говорит она.

Тщетно пытаюсь вспомнить, о чем это она.

– А что было вчера?

– Выступление моей группы в «Скрим Шаут», – произносит Генри так, будто об этом знают все.

– Ах да! Как прошло?

Скай улыбается:

– Он написал мне песню.

Генри кладет на пол гитару и садится рядом с ней:

– Мы подумали, что могли бы сегодня повторить.

– Круто, – отвечаю я, просматривая составленный мамой список одежды для кукол, которая скоро закончится, и вычеркивая те, что я уже заказала.

– Кажется, будто она не рада, но это не так, – поясняет Скай Генри.

– Определенно, – сухим тоном уверяю я его.

Он берет несколько аккордов.

– У Кайвман нет личной жизни, – поет он, и я швыряю в него ручку, но, так как она мне еще нужна, сама же и иду ее поднимать.

Скай хихикает:

– У нее есть личная жизнь, Генри. Просто она скучная.

– Думай, что говоришь, Скай, ведь половину своего времени я провожу с тобой.

– У Кайвман скучная жизнь, – поет Генри. – Она нуждается в труде и спорах.

– Спасибо, но меня устраивает моя скучная жизнь. – Меня на самом деле устраивает моя однообразная жизнь. Например, рвать на себе волосы мне хочется только раз в неделю.

Скай поправляет куклу на полке рядом с собой:

– Серьезно, Кайман, ты должна была прийти вчера. Почему ты не пришла?

– Во сколько ты вернулась домой? – спрашиваю я.

– Не знаю… часа в два.

– Вот почему я не пошла. Мне утром нужно было на работу.

– Говоришь как взрослая, – вклинивается Генри.

Тебя кто-то спрашивал?

– Сыграй ей песню, Генри. Настоящую.

– Хорошо.

Когда он начинает играть, Скай выхватывает из моих рук листок и кладет его на стойку.

– Отдохни немного. – Она тащит меня на пол к Генри и, пока он поет, не сводит с меня глаз. – Кстати, вчера о тебе кое-кто спрашивал.

– Где?

– В «Скрим Шаут».

– Кто?

– Не знаю, парень какой-то, выглядел как владелец клуба. Одет как пижон. Ослепительно-белые зубы.

По какой-то причине во мне разрастается страх.

– Ксандер?

Она пожимает плечами:

– Не знаю. Он не представился.

– А что он сказал?

– Ну, я услышала, как он спросил у какого-то парня позади меня, не знает ли тот девушку по имени Кайман. Парень ответил «нет». А когда я повернулась сказать ему, что я тебя знаю, он уже уходил.

– И он ушел?

– Нет, остался ненадолго. Послушал, как играет Генри, заказал содовую. А потом ушел.

Ксандер искал меня. Нехорошо. Мистер Богатей со своим экстравагантным стилем жизни должен держаться от меня подальше.

– Он был один?

– Нет, с какой-то девушкой с короткими черными волосами. И по-моему, ей было скучно.

С кузиной, наверное. Я пожимаю плечами.

– Кто он?

– Просто внук одной нашей клиентки.

– Богатый внук богатой клиентки?

– Ага.

– Нам стоит завести богатых друзей. Это поднимет нашу тусу на новый уровень.

– Ты о чем? – Я показываю на Генри. – Нам выше некуда. У нас даже есть собственный музыкант.

– Вы даже не слушаете мою песню, – жалуется Генри.

– Прости, она клевая, милый.

Он перестает играть и убирает гитару в чехол:

– Кайвман, я хочу сделать тебе одолжение.

– Пожалуйста, не надо.

– Выслушай меня. Я хочу познакомить тебя со своим другом. Можно устроить двойное свидание. – Он смотрит на Скай. – Его зовут Тик. Он солист «Красти Тодс».

Скай широко улыбается:

– О да. Он такой крутой. Он тебе понравится, Кайман.

– Тик?[3 - Генри назвал парня Tic, Кайман Tick (в переводе с английского «клещ») – оба слова произносятся одинаково.] Как кровососущее насекомое?

– Нет, как нервный тик. – Он сильно моргает, имитируя нервный тик. – Это его прозвище.

– Давай без шуточек! – негодую я.

– Я не шучу. Но я забыл его настоящее имя. Серьезно, вы идеально подойдете друг другу. Он тебе понравится.

Встаю и снова беру свой листок.

– Нет. Я не хочу никуда идти. – Тем более на свидание вслепую с парнем по имени Тик, которого Генри считает идеальным для меня.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – умоляет Скай, дергая меня за руку.

– Я даже не знаю этого парня. Мне будет некомфортно.

– Мы можем это исправить. Я отправлю его на неделе к тебе в магазин познакомиться, – говорит Генри.

Я резко поворачиваюсь к нему:

– Не смей!

– Похоже на вызов, – произносит он со смешком.

– Нет, это не вызов, Тод. Не делай этого. – Будет очень плохо, если я натравлю на него одну из кукол?

– Не волнуйся. Я сделаю все по-хитрому. Он не узнает, что ты хочешь с ним встретиться.

– О, здорово, особенно если учесть, что я не хочу с ним встречаться.

– Трусиха, – напевает Скай.

Рассмеявшись, Генри встает:

– Не переживай, Кайвман, все будет хорошо. Просто будь собой.

«Будь собой». Ненавижу эти слова. Как будто мы с Тиком уже когда-то встречались и отлично поладили, а сейчас мне просто нужно быть самой собой. Это так нелогично.

– Готова идти, Дай?

– Да. Скоро увидимся. – Она коварно улыбается мне, и я издаю стон.

Это ужасно. Они отправят ко мне в магазин какого-то парня по имени Тик, и я ничего не смогу с этим поделать.

Глава шестая

Всю неделю я бросала тревожные взгляды на дверь, едва на ней звенел колокольчик, и теперь начинаю думать, что Скай, возможно, все-таки отговорила Генри подсылать ко мне Тика. Но надеялась я зря. В понедельник после обеда в магазин заходит парень со стопкой бумаг в руках.

У него короткие, вьющиеся черные волосы и кожа цвета мокко. Кольцо в губе еще больше притягивает внимание к его большому, хорошо очерченному рту. Одет он в джинсы, заправленные в армейские ботинки, и футболку с надписью «Моя группа круче твоей». Не хочется этого признавать, но он и правда очень привлекательный. И слишком крутой для меня. Интересно, почему Скай не встречается с ним? Он подходит ей намного больше, чем Генри.

– Привет, – говорит он. У парня хриплый голос, как будто он только что проснулся или ему нужно прочистить горло. – Генри сказал, что вы не против разместить у себя на стойке флаеры с рекламой нашего следующего концерта. –

Он осматривается.

– Уверена, пожилым дамам понравится рок-концерт, – отвечаю я.

Он хмурится:

– Да, Генри, похоже, думал… – Он замолкает, рассматривая фарфорового малыша в колыбельке. – Наверное, я зашел не в тот магазин.

– Нет, все нормально. Просто положи их сюда.

Он подходит и, положив на стойку небольшую пачку, осматривает меня. И ему, должно быть, нравится то, что он видит, так как он показывает на флаер и говорит:

– Ты должна прийти.

На флаере изображена жаба, которая выглядит так, будто только что повстречалась с решеткой радиатора на грузовике. Кто это придумал? На животе у нее написано «Красти Тодс», а внизу приписка: «Вечер пятницы, десять часов, „Скрим Шаут“».

На кончике языка уже вертится саркастическое замечание о флаере, но я сдерживаюсь.

– Хорошо, я постараюсь.

– Звучит так, будто на самом деле тебе меньше всего на свете хочется туда идти. – Он сильно моргает, напоминая мне своего о своем прозвище. – Я солист. Теперь тебе больше или меньше хочется пойти?

Я улыбаюсь:

– Может, немного больше.

– Я Мейсон. – Это гораздо лучше, чем Тик.

– Кайман.

Пожалуйста, не придумывай мне прозвище.

– Приятно познакомиться, Кайман.

Пять балов.

– Каковы шансы, что я действительно увижу тебя в пятницу?

Я смотрю на флаер, затем снова на него:

– Довольно неплохие.

Он потягивает кольцо в губе.

– Скажи пожилым дамам, что будет круто.

– Обязательно.

Он начинает уходить, но, увидев, что через черный ход заходит мама, останавливается.

– Привет, – здоровается она.

– Мам, это Мейсон. Мейсон, это моя мама, Сьюзен.

– Здравствуйте, Сьюзен, приятно познакомиться.

– Взаимно. – Она указывает на второй этаж. – Кайман, если понадоблюсь, я наверху. Мне надо сделать несколько звонков. – Плечи у нее опущены, и на лестнице она тянется к перилам.

– Все нормально?

– Да… я… да, я в порядке.

Провожаю ее взглядом, а потом поворачиваюсь к Мейсону.

Он постукивает по стопке флаеров, лежащих на стойке.

– Увидимся в пятницу. – Он машет рукой и выходит за дверь.

Прикусив губу, я смотрю на изображение жабы на флаере. Мне нужна новая одежда или прическа. Что-то новое. Убеждаюсь, что в магазин никто не идет, и топаю в мамин кабинет проверить, выписала ли она мне чек. Обычно мама оставляет его в конверте в своем столе. Сумма небольшая, и я миллион раз ей говорила, что мне кажется странным, что она мне платит, но она настаивает на зарплате.

В ящике справа лежит бухгалтерская книга, распухшая от квитанций и всевозможных счетов. Достаю ее и пролистываю до конца – я несколько раз видела, как мама вынимала оттуда мой чек. Но там для меня ничего нет. Уже закрываю книгу, как вдруг краем глаза замечаю что-то ярко-красное. Просматриваю страницу, и мой взгляд останавливается на последней цифре, написанной красными чернилами: 2 253.00. Это больше, чем мы тратим в месяц. Я-то знаю – самолично иногда оплачиваю счета.

Мое сердце бешено колотится, а от чувства вины перехватывает дыхание. Я тут ищу свой чек, а мама даже не может позволить себе заплатить мне. Мы на мели. Неудивительно, что мама в последнее время выглядит усталой. Это значит, мы потеряем магазин? Всего на секундочку я представляю себе жизнь без магазина кукол.

И на эту секундочку я чувствую себя свободной.

Глава седьмая

Я смотрюсь в большое зеркало, которое висит в моей комнате. Даже если отойду от него так далеко, как смогу, все равно не увижу себя целиком. Комната

слишком мала. Я выпрямила волосы, надела свои лучшие джинсы и черную футболку и зашнуровала фиолетовые ботинки. Ничего нового. По-моему, идти на концерт не очень хорошая идея, ведь всего через восемь часов мне нужно будет вставать и готовиться к работе. Теперь, когда я знаю правду о состоянии дел, меня гложет чувство вины, как будто я сделала недостаточно. В сотый раз говорю себе, что мне не обязательно задерживаться в клубе, можно просто отметиться и уйти.

Мама проходит мимо моей комнаты, а потом делает несколько шагов назад:

– Я думала, ты уже ушла.

– Нет, и я могу остаться, если нужна тебе.

– Кайман, я в порядке. А теперь иди. Ты выглядишь потрясающе.

Преодолевая пять кварталов до «Скрим Шаут», я рассматриваю окрестности. Старый город выглядит как в вестерне. Фасады одних магазинов украшает вертикальная дощатая обшивка, другие выложены красным кирпичом. В некоторых магазинах даже установлены маятниковые двери в стиле салун. Тротуары вымощены булыжником. Не хватает только стойла для лошадей. Да и вместо вытоптанной земли широкая улица с диагональными местами для парковки. Океан находится в нескольких кварталах отсюда, но в такую тихую ночь я могу слышать тихий шум и ощущать запах, который глубоко и с удовольствием вдыхаю.

Через две двери от нашего магазина расположена танцевальная студия, и я с удивлением замечаю включенный в ней свет. В широко распахнутые окна мне видно все, что происходит внутри, так же ясно, как на киноэкране. Там перед зеркальной стеной танцует девушка – скорее всего, моя ровесница. Изящные движения говорят о том, что она занимается танцами уже много лет. Интересно, почему некоторые уже с рождения знают, чем хотят заниматься в этой жизни, а другие – особенно я – понятия не имеют. Вздыхаю и иду дальше к клубу.

Сегодня в «Скрим Шаут» полно местных. Я узнаю некоторых ребят из школы и киваю в знак приветствия. Сцену и сценой-то не назовешь, это больше похоже на шаткую платформу. Возле нее расставлены разномастные столы, а вдоль одной из стен растянулся бар. Здесь так много людей, что мне приходится

искать Скай.

– Привет, – говорит она, когда я присоединяюсь к ней. Сегодня у нее ярко-розовые волосы, и рядом с ней я чувствую себя невзрачной.

– Привет. Сегодня много народу.

– Знаю. Так круто. А ты, похоже, произвела впечатление на Тика, он только что о тебе спрашивал. – Она кивает на дверь с краю сцены, где, судя по всему, готовится группа.

– Нам обязательно его так называть? – Я еще не составила мнение о Мейсоне. Но что-то в нем есть, иначе я бы не стояла здесь, отказываясь от сна.

– Да, обязательно, Кайвман.

– Пожалуйста, только не ты, Дай.

Она хихикает:

– Знаю, ужасные прозвища, верно? Хотя мне становится смешно, когда ты называешь Генри Тодом.

– Кстати, как у вас дела с Тодом?

– Очень хорошо.

Скай исключительно преданный человек. Генри придется совершить нечто поистине ужасное, чтобы они расстались. Но мне кажется, ничего подобного он не сделает. Если закрыть глаза на его отвратительную привычку раздавать прозвища направо и налево, он славный.

Я смотрю на сцену в ожидании группы.

– Думаю, сегодня ты влюбишься в него до одурения, потому что он задаст жару.

– Само собой. – Она улыбается. – А ты влюбишься до одурения в Тика, потому что его голос как мед.

И она права. По крайней мере, насчет меда. Когда он начинает петь, я не могу отвести от него взгляд. У него мягкий голос с хрипотцой, и мне хочется покачиваться в такт. Отдаленно слышу хихиканье Скай и наконец выхожу из транса.

– Я же тебе говорила, – ликует она, едва я перевожу на нее взгляд.

– Что? Я просто слушала. Невежливо не слушать.

Она снова смеется.

Когда заканчивается последняя песня, Мейсон спрыгивает со сцены и исчезает за ней вместе с ребятами. Первым выходит Генри, и они со Скай какое-то время целуются прямо передо мной. Фу! Почему мне вдруг хочется тоже с кем-нибудь поцеловаться? Мне и одной хорошо. Я уже привыкла. Так что же изменилось? В голове всплывает образ Ксандера с его кривоватой улыбкой. Нет. Отметаю эту картинку прочь.

Разозлившись на собственные глупые мысли, я прерываю их слишком резко:

– Всё, достаточно!

Скай, хихикая, отстраняется, а Генри притворяется, будто только что меня заметил. Ну конечно.

– Как жизняк? – спрашивает он, затем перегибается через барную стойку и просит воды со льдом.

Берет стакан, и мы отправляемся на поиски столика, но свободных мест нет, поэтому просто отходим в угол и разговариваем.

Вскоре выходит Мейсон и закидывает руку мне на плечи. Его футболка мокрая от пота, и очарование вмиг рассеивается.

– Кайман, ты пришла.

– Как видишь.

– Понравилось выступление?

– Безусловно.

– Ты привела с собой пожилых дам? – Он оглядывается по сторонам, будто и в правду существует такая вероятность.

– Почти, но одна из них в последнюю минуту все отменила. Думаю, сегодня в центре выступает какая-то группа металлистов.

– Что за группа? – спрашивает Генри, и Мейсон начинает смеяться.

– Это была шутка, идиот, – отвечает он.

– Не называй меня идиотом.

– Тогда не веди себя так.

Генри дуется, и Скай тут же лепечет ему:

– Ты не идиот, детка.

И они снова начинают целоваться.

Гадость. Серьезно.

– Хочешь что-нибудь выпить? – интересуется Мейсон, подводя меня к освободившемуся столику.

– Да, пожалуйста.

Я сажусь, и он, вернувшись с двумя бутылками пива, протягивает одну мне.

Я поднимаю руки:

– Ой, я не пью. Мне семнадцать.

– И? Мне девятнадцать.

– Мама говорит, что до моего совершеннолетия она имеет право меня убить. – Мама всегда советует мне в щекотливой ситуации валить все на нее. И кажется, это хорошо работает.

Он хохочет:

– Понятно, это круто. – Он садится рядом со мной.

Около минуты я наблюдаю за тем, как он пьет, а потом говорю:

– Пойду возьму воды.

– Ох. – Он подскакивает. – Сиди, я принесу.

Глядя ему вслед, я не могу решить: я так взволнована то ли из-за того, что общаюсь с солистом группы, то ли потому, что это Мейсон. Но когда к нему подходят две девушки и он поворачивается поговорить с ними, понимаю, что все дело в первом варианте. Как-никак, я едва его знаю. И от этого я чувствую себя гадко.

Бармен передает ему стакан воды со льдом, но Мейсон продолжает болтать.

Я резко встаю. Мне нужно идти. Утром рано вставать.

Подхожу к Скай и похлопываю ее по плечу:

– Эй, я ухожу.

Она отстраняется от Генри:

– Подожди. – Осматривается вокруг и замечает Мейсона. – Нет, не уходи. На него постоянно набрасываются девчонки. Это не его вина.

– Меня это не волнует. Я не поэтому ухожу. – По крайней мере, в этом я пытаюсь убедить себя. – Просто утром мне на работу. Скоро увидимся.

Только я отхожу, чтобы попрощаться с Мейсоном, как слышу ее слова:

– Подожди, мы тебя проводим.

Мы проходим мимо Мейсона, и я машу ему на прощание, в то время как Скай громко оповещает его:

– Мы идем провожать Кайман домой.

Он просит нас подождать и вежливым кивком завершает разговор с очередной девицей. Ставит на стойку стакан с водой, который заказал, и подходит к нам:

– Я с вами.

Генри и Скай, тихонько переговариваясь, идут впереди. Мейсон закидывает руку мне на плечи. Да, он из чувствительных парней. Целый квартал мы молчим.

– Не знал, что тебе нужно уйти пораньше, – наконец говорит он.

– Да. Утром мне на работу.

– Мы выступаем еще на следующей неделе.

Я не уверена, приглашает ли он меня таким образом или всего лишь поддерживает разговор, поэтому просто киваю.

– Спасибо, – благодарю я, когда мы подходим к магазину, и достаю из кармана ключи.

Он наклоняется ко мне. Мне и в голову не приходило, что он, будучи таким чувствительным, да еще и при свидетелях, может попытаться поцеловать меня. Поэтому я недостаточно быстро уворачиваюсь и цепенею от неожиданности, когда его на удивление мягкие губы касаются моих.

– Ох, эм… вау, – мямлю я, отстраняясь.

Он не отходит, и его взгляд встречается с моим.

– Спасибо, что пришла сегодня.

Его голос с хрипотцой оживляет мое сердце, и я вновь поражаюсь своей реакции.

– Ладно, увидимся.

Скай улыбается мне так, будто это был самый захватывающий момент в ее жизни. А мне просто хочется сбежать.

Глава восьмая

Магазин открывается в девять, но мои глаза, как по часам, распахиваются субботним утром в шесть утра. Пытаюсь снова заснуть, но ничего не выходит, поэтому я просто какое-то время пялюсь в потолок и обдумываю прошлый вечер. Что произошло? Мейсон намеревался меня поцеловать? Или я нежданно повернулась к нему, когда он собирался меня обнять, или еще что-то? Чтобы это понять, нужно во всем хорошенько разобраться, а затем вновь восстановить хронологию событий.

Существует всего два логических объяснения. Первый: это была случайность, и он побоялся это признать. Второй: он действительно очень дружелюбный и целует всех подряд. Теперь, когда я разложила все по полочкам, мне стало намного лучше. Надеюсь только, что какое-то время мы с ним не будем пересекаться.

После часа безуспешных попыток вернуться ко сну, я вылезаю из постели и, пока мама не заняла ванную, принимаю душ. Надеваю джинсы, футболку и влезаю в пушистые черные тапочки. С еще мокрыми после душа волосами спускаюсь вниз, чтобы забрать оставленный там список заказов, которые нужно внести в компьютер.

Еще раз сверяю его со списком, который составила мама. До открытия магазина еще целый час, полно времени на подготовку, поэтому я засовываю список в карман и иду к компьютеру. Не успеваю дойти до нижней ступеньки, как раздается стук в дверь. Рука машинально устремляется к мокрым волосам, а в голове тотчас возникает мысль, что это Мейсон. Такой сценарий не вписывается ни в одно из объяснений, что я придумала. Чересчур любвеобильные рок-звезды не появляются на пороге случайных знакомых на следующее утро. Магазин еще закрыт, так что жалюзи опущены. Можно и не открывать дверь.

Секундой позже раздается трель телефонного звонка.

У Мейсона ведь нет нашего номера телефона, верно? Могла ли Скай дать его ему? Стремительно поднимаю трубку, пока мама не ответила наверху.

– Алло, «Куклы, и не только».

– Неделю назад кое-кто предупреждал меня не покупать черничные маффины в «Пекарне Эдди», но я не послушался и все равно их купил. Теперь время от времени у меня появляется непреодолимая тяга.

Я так рада тому, чей голос слышу, что выдаю странную комбинацию смешка со вздохом, а затем быстро прочищаю горло.

– Они вызывают зависимость.

– Теперь я тебе верю.

Я улыбаюсь.

– Так ты меня впустишь? Здесь холодновато. Я поделюсь.

Мой взгляд падает на дверь.

– Похоже, на одном из маффинов даже есть твое имя… Ох, нет, извини, это мое.

– Я…

– Ты же не хочешь, чтобы я умер от переохлаждения? – настаивает он.

– Не думаю, что там настолько холодно. – Шаркая тапочками, подхожу к двери и открываю ее, впуская Ксандера.

– Привет. – Его голос эхом раздается в трубке, которая до сих пор прижата к моему уху, и я отключаюсь.

Прошло столько времени, что я почти забыла, насколько он красив… и богат. Дух богатства прямо-таки тянется за ним вместе с холодным воздухом, когда он заходит внутрь. Я запираю дверь и поворачиваюсь к парню. В руках у него пакет из пекарни и два стаканчика с крышками.

– Горячий шоколад. – Он приподнимает правую руку. – Или кофе. – Приподнимает левую. – Я попробовал и то и то, так что мне без разницы.

Мило. А если этот дух богатства – инфекционное заболевание? Указываю на его правую руку:

– Горячий шоколад.

– Я так и думал, что ты выберешь его.

Забирая у него стаканчик, стараюсь не обращать внимания на свою трясущуюся руку. Это доказывает, что его появление из ниоткуда у моей двери меня взволновало.

Осматриваю его с головы до ног. Как же меня раздражает, что даже ранним утром Ксандер выглядит таким… бодрым. Интересно, посреди ночи с растрепанными волосами и сонными глазами он все равно выглядит идеально?

– Ты так пялишься на меня, что мне становится неловко.

– Я не пялюсь, а наблюдаю.

– И в чем разница?

– Цель наблюдения – получить данные и сформировать теорию или умозаключение.

Он слегка наклоняет голову:

– И каков вердикт?

Что ты всего в шаге от обычного человека. Он поворачивается, желая осмотреть магазин, и массивный черный перстень на его мизинце ударяется о колыбельку. Я приподнимаю брови. А может, и в двух.

– Ты ранняя пташка.

Он разводит руки в стороны, будто говоря: «Ты меня раскусила».

– Я тоже кое-что заметил.

– Что?

– Что у тебя очень мокрые волосы.

Ой! Точно.

– Да, но ты пришел без предупреждения. А я, едва проснувшись, не выгляжу идеально. – Как некоторые.

На его лице отражается догадка, и я жду, когда он ее выскажет. Он смотрит через плечо на подсобку:

– Ты здесь живешь?

– Да, квартира наверху. – Теперь я в замешательстве. – Если ты не знал, что я здесь живу, то почему стучался в дверь до открытия?

– Потому что полагал, что ты приходишь пораньше, чтобы подготовиться к открытию.

– Вот здесь точные наблюдения были бы очень кстати.

Он смеется:

– Ты не представляешь, сколько ночных кошмаров порождает магазин кукол. Меня годами разны ми способами убивали куклы с ангельской внешностью.

– Это действительно… ужасно…

Я хихикаю.

– Так что ты здесь делаешь?

– Покупаю маффины. Разве это не очевидно? А так как именно ты познакомила меня с этим наркотиком, я посчитал нужным поделиться.

– Тебе просто нравится смотреть на кукол, да? Ты скучал по ним.

Его губы растягиваются в слабой улыбке.

– Да, я дико скучал по этому месту.

Я кладу телефон на стойку и, обхватив теплый стаканчик обеими руками, иду в подсобку. Ксандер следует за мной. Сажусь на старый диван и закидываю ноги на кофейный столик.

Он ставит пакет из пекарни и стаканчик с кофе возле моих ног и, сняв куртку, садится рядом:

– Итак, Кайман…

– Итак, Ксандер…

– Как острова.

– Что?

– Твое имя. Кайман. Как Каймановы острова. Это любимое место твоей мамы?

– Нет, третье по счету. У меня есть старший брат по имени Париж и старшая сестра Сидней.

– Ого. – Он открывает пакет, достает маффин, верхушка которого блестит от сахарной посыпки, и протягивает его мне. – Правда?

Я аккуратно снимаю обертку:

– Нет.

– Подожди, у тебя нет старших братьев и сестер или их зовут иначе?

– Я единственный ребенок. – Потому что родилась вне брака и я знать не знаю своего отца. Интересно, Ксандер сбежит, если узнает об этом? Наверное, да. Так почему же я не сказала этого вслух?

– Заметка: Кайман очень хороша в сарказме.

– Если ты свои заметки документируешь, то прошу заменить слово «очень» на «исключительно».

Его глаза загораются от улыбки, которая лишь едва затрагивает губы. Кажется, он правда считает меня забавной. Мама всегда говорила, что парней отпугивает мой сарказм.

– Хорошо, твоя очередь, – говорит он.

– В смысле?

– Задавай мне вопрос.

– Ладно… эм… Ты часто вынуждаешь девушек приглашать тебя к себе?

– Никогда. Обычно они сами меня приглашают.

– Ну естественно.

Он откидывается на спинку дивана и откусывает маффин.

– Итак, мисс Наблюдательность, каково твое первое впечатление обо мне?

– Когда ты пришел в магазин?

– Да.

Это легко.

– Высокомерный.

– Правда? Почему ты так подумала?

Его это удивляет?

– Я думала, сейчас моя очередь задавать вопрос.

– Что?

– Разве не таковы правила игры? Каждый задает по вопросу?

Он смотрит на меня в ожидании. И тут я понимаю, что у меня нет вопросов. Точнее, их слишком много. Например: зачем он здесь? Когда он поймет, что я не вписываюсь в его окружение? В чем его интерес?… Если таковой вообще есть.

– Могу я пойти подготовиться к открытию?

Глава девятая

– Нет. Моя очередь. Почему ты сочла меня высокомерным?

Бросаю взгляд на складку на рукаве его футболки – явный признак того, что ее гладили. Кто, интересно, гладит футболки?

– Ты меня подозвал, – отвечаю я, вспоминая первый день знакомства.

Взгляд его карих глаз устремляется на меня. Даже его глаза с золотистыми крапинками напоминают мне о богатстве.

– Подозвал?

– Оставайся здесь, а я покажу.

Иду в дальний конец подсобки и притворяюсь, будто захожу в дверь, прижимая сотовый к уху. С важным видом делаю несколько шагов и, остановившись, смотрю на стену, после чего поднимаю руку и подзываю его. Я ожидаю, что он рассмеется, но, когда оборачиваюсь, замечаю обиду на его лице.

– Возможно, я немного преувеличила, – говорю я, хотя это не так.

– Значит, таким ты меня увидела?

Я прочищаю горло и медленно возвращаюсь к дивану.

– Так ты футболист или математический гений?

– Что, прости?

– Твоя бабушка хвасталась своими внуками, и мне интересно, который из них ты.

– Который мало чем занимается.

Слегка пинаю носком тапочка ножку стола:

– Ты знаешь, с кем разговариваешь?

– Да, Кайман.

Я закатываю глаза:

– В смысле, я королева безделья, так что, уверена, ты значительно меня превзошел.

– И что же ты не сделала из того, что хотела бы?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю. Я стараюсь об этом не думать. Меня вполне устраивает моя жизнь. Думаю, именно несбывшиеся ожидания порождают все несчастья.

– То есть чем меньше ты ждешь от жизни…

– Нет, не так. Я просто стараюсь быть счастливой и не жалеть о том, что могла бы достигнуть большего. – По крайней мере, от этого мне становится лучше. А такие люди, как он, напоминают мне о том, чего у меня нет.

Он доедает маффин и бросает обертку в пакет:

– И как, работает? Ты счастлива?

– Большей частью.

Он приподнимает стаканчик и произносит словно тост:

– И это самое главное, не так ли?

Киваю и кладу ногу на столик. Список заказов шуршит в кармане, и я достаю его:

– Я должна идти. Нужно кое-что сделать до открытия.

– Точно. Конечно, мне тоже пора. – Он мгновение колеблется, будто хочет сказать что-то еще.

Я встаю, и он, взяв свою куртку, следует моему примеру. Провожаю его до входной двери и открываю ее.

Когда он уходит, я понимаю, как мало во время игры в вопрос-ответ мы действительно узнали друг о друге. Я не знаю, сколько ему лет, где он учится, чем любит заниматься. Мы специально избегали этих тем? Задавали дурацкие, бессмысленные вопросы, потому что в глубине души не желаем узнавать друг друга получше?

Он нажимает кнопку на ключах, и модная серебристая спортивная машина, припаркованная у магазина, издает слабый звук. И, только взглянув на эту машину, я тут же получаю ответы на все возможные вопросы, которые только могли у меня возникнуть. Большего и не надо. Он открывает дверцу и одаряет меня той самой улыбкой.

– Ты выпускник? – Слышу я свой вопрос.

Он кивает:

– А ты?

– Да. – Поднимаю стаканчик. – Спасибо за зав трак.

– Не за что.

Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней. Почему?

Через несколько минут с трудом отрываюсь от двери и поднимаюсь наверх. Мама в ванной, так что я переношу стул к старому компьютеру и начинаю вносить заказы.

– Я слышала, телефон звонил? – спрашивает мама, заходя на кухню и вытирая волосы полотенцем.

– Да, я ответила.

– Кто звонил?

– Просто кто-то спросил, во сколько мы открываемся.

Я впервые в жизни соврала маме. И это меня удивляет, ведь мы все рассказываем друг другу. Мне стоило сказать: «Звонил парень по имени Ксандер – да, его зовут именно Ксандер, – который гладит футболки и носит украшения». Вот это было бы весело. Мама бы прикинулась обиженной, мы бы посмеялись над тем, что он, вероятно, стрижется дважды в месяц, и потом она бы произнесла речь: «Лучше не общаться с такими людьми», а я бы согласилась. Да я и так согласна.

Что же тогда меня остановило?

– Мам, можешь закончить за меня? А то у меня на голове будет не пойми что, если я сейчас не высушу волосы.

– Да, конечно.

– Спасибо.

Запираюсь в ванной и закрываю глаза руками. Что меня остановило?

Симпатия.

Мне не хотелось, чтобы мама плохо к нему отнеслась. Этот парень каким-то образом умудрился выбраться из коробки с людьми, на которой я маркером написала «запрещено», и оказался другим. А теперь, к своему раздражению, я

чувствую какую-то странную симпатию к Ксандеру Спенсу.

Нужно срочно что-то менять.

Глава десятая

В понедельник утром я машу маме на прощание и ухожу в школу. В паре домов от нас замечаю спортивную машину, совсем как у Ксандера. Наклоняюсь, чтобы заглянуть внутрь, а когда выпрямляюсь, вижу на другой стороне от себя Ксандера. Я подпрыгиваю от неожиданности. Он протягивает мне стаканчик с горячим шоколадом и делает глоток из своего.

Я смотрю на стаканчик – такой же, как вчера.

– Возьму, только если ты уже из него отпил, – вырывается у меня вместо: «Что ты здесь делаешь?» Так он может решить, что мне не все равно.

Он забирает у меня стаканчик, делает глоток и отдает обратно.

Меня так удивляет его реакция на мой сарказм, что мне не удается сдержать смех.

– Я слышала, для тех, кто пристрастился к маффинам Эдди, по четвергам проводятся встречи у «Луиджи». Если это не сработает, можно прибегнуть к помощи таблеток.

– Боюсь, мне не хочется избавляться от этой зависимости, – парирует он.

Я бросаю на него косой взгляд. Мы ведь о маффинах сейчас ведем разговор, верно?

– Прости.

– Так чья очередь задавать вопрос? – спрашивает он.

– Моя, – отвечаю я, хотя на самом деле не помню. Но лучше уж задавать вопросы, чем отвечать.

– Хорошо, задавай.

– У тебя есть братья? – Я знаю, что у него нет сестер – его бабушка говорила, что у нее только одна внучка, а он уже сказал, что это его кузина.

– Да, у меня два старших брата. Сэмюэлю двадцать три. Он недавно окончил юридический.

– Где?

– В Гарварде.

Ну конечно.

– Второму брату, Лукасу, двадцать, и он учится в колледже.

– У них нормальные имена.

– Нормальные?

– Никаких Четов, Веллингтонов и тому подобное.

Он выгибает бровь:

– У тебя есть знакомые по имени Веллингтон?

– Конечно нет. Но у тебя, возможно, есть.

– Вообще-то нет.

– Хм… – выдыхаю я.

– Ладно, моя очередь.

Я улыбаюсь, но в то же время дико нервничаю. Хотелось бы мне контролировать все его вопросы, тогда я смогла бы избежать тех, на которые отвечать не желаю.

– Ты носишь линзы?

– Что? Это твой вопрос?

– Да.

– Нет, не ношу. А что?

– Просто я никогда не видел таких зеленых глаз, вот и подумал, что это, возможно, цветные линзы.

Я отворачиваюсь, чтобы он не заметил мою улыбку, и мысленно проклинаю его за то, что он заставил меня почувствовать себя особенной.

– А ты?

– Конечно нет. Думаешь, я бы специально выбрал скучный карий цвет глаз?

– Из-за золотистых крапинок они больше похожи на янтарные.

Мне хочется пнуть себя за это признание, особенно когда его улыбка становится шире.

– Ну, вот мы и пришли. – Я показываю на старую школу справа от себя. Ее построили семьдесят пять лет назад, и хотя здание неплохо сохранилось, ему определенно не помешал бы ремонт.

Он рассматривает школу, и я неловко переступаю с ноги на ногу, задаваясь вопросом, что он о ней думает. Интересно, почему меня это волнует? Он наверняка ходит в одну из двух частных школ в городе. Да, здесь живет столько

богачей, что в маленьком прибрежном городке потребовались целых две частные школы.

Он вновь смотрит на меня:

– Увидимся позже.

– Позже – означает, что ты встретишь меня в двенадцать и проводишь домой? Потому что я не уверена, что смогу вынести твое общество два раза за день.

Он тяжело вздыхает:

– А бабушка думает, что ты милая. – Его брови сходятся на переносице. – Твои уроки заканчиваются в полдень?

– Ну, не все, но да, я освобождаюсь в полдень.

– Почему?

– Эм… – Я машу рукой в сторону магазина. – Из-за работы.

Его глаза расширяются.

– Ты пропускаешь половину учебного дня, чтобы работать в магазине?

– В этом нет ничего особенного… Это была моя идея… Мне не сложно. – Понимаю, что говорю бессвязно, потому что в глубине души меня это беспокоит, причем очень сильно, поэтому прекращаю оправдываться и заканчиваю разговор: – Я лучше пойду.

– Ладно. Пока, Кайман. – Он разворачивается и без оглядки возвращается к машине.

– Кайман, – произносит мистер Браун, когда я с опозданием захожу на естествознание.

– Извините, я угодила в терновник, и мне пришлось из него выбираться. – В каком-то смысле это даже правда.

– Изобретательно, но я не поэтому к вам обратился.

Остальная часть класса уже приступила к лабораторной, и мне тоже хочется. Похоже, здесь самые настоящие реагенты.

– Это займет всего минуту, – говорит мистер Браун, очевидно заметив мой взгляд.

Я нехотя подхожу к его столу, и он пододвигает ко мне несколько листовок:

– Вот колледж, о котором я вам говорил. Он специализируется на математике и естественных науках.

Я беру листовки:

– Хорошо, спасибо.

В начале года я поняла, что легче соглашаться с учителями во всем, что касается колледжей, чем объяснять им, что я пока туда не собираюсь. Засовываю бумаги в рюкзак и сажусь на свое место. В начале года в нашем классе было нечетное количество человек, тогда мистер Браун спросил, кто хочет работать один, и я подняла руку. Мне удобнее выполнять лабораторную в одиночку – так ее никто не испортит. Так ты ни от кого не зависишь.

На следующее утро Ксандер, небрежно прислонившись к фонарю, снова ждет меня у магазина, как будто мы ходим вместе в школу всю жизнь. Он делает глоток моего горячего шоколада, затем отдает его мне, и мы начинаем свой путь.

Я пью обжигающий горло напиток. Так дело не пойдет. Мне нужно, чтобы Ксандер исчез, я хочу вернуться к своей нормальной жизни, в которой осмеивала таких, как он. Тогда я перестану ждать его каждое утро.

– Итак, мистер Спенс, первый твой брат юрист, второй учится в каком-то крутом колледже. Каково же твое будущее?

– В неком смысле оно похоже на твое.

– Это в какой такой вселенной?

Кажется, он принимает это за шутку и смеется:

– Я должен буду продолжить семейный бизнес.

– С чего ты решил, что у меня все будет так же?

– Ты там работаешь, живешь, помогаешь в управлении… Уверен, твоя мама видит в тебе преемницу.

Я уже давно с этим смирилась, но когда кто-то другой это подтверждает, я выхожу из себя.

– Я не собираюсь посвящать всю свою жизнь магазину кукол.

– Тогда тебе лучше начать подавать сигналы. Статистика.

– Все не так просто. Я не могу вот так уйти и заняться чем-то другим. Мама на меня рассчитывает.

– Понимаю.

Теперь моя очередь смеяться. Он совершенно ничего не понимает. Очевидно же, если он не займется семейным бизнесом, то ничего страшного не случится. Счета его семьи все равно будут оплачены. Его ждет будущее с безграничными возможностями.

– И чем ты хочешь заниматься? – спрашивает он.

– Пока не знаю. Мне нравится наука, но что мне с ней делать? – Если бы я это знала, то думала бы, что у меня есть выбор. – Почему ты?

– Почему я?

– Почему ты должен наследовать семейный бизнес? Почему не братья?

– Потому что я ни в чем не отличился. Нет склонности к чему-то определенному. Вот папа и выбрал меня. Он говорит, что я силен во многих областях, и это значит, я должен быть лицом бизнеса. Поэтому они отправили меня в реальный мир.

– Какой бизнес у твоей семьи?

Он наклоняет голову, будто пытается определить, всерьез ли я спрашиваю.

– «Конец дороги».

Я пытаюсь понять, что это значит.

– Вам принадлежит отель?

– Что-то типа того.

– Что значит «что-то типа того»? Либо принадлежит, либо нет.

– Их пять сотен.

– Ясно.

– Это сеть.

– А… – Вот теперь я поняла. – Они все принадлежат вам?… – Офигеть! Этот парень не просто богат, он БОГАТ. Все мое тело напрягается.

– Да. И меня готовят к тому, что однажды они станут моими. Все как у тебя.

Все как у меня.

– Да, мы очень похожи, прям один в один. – К этому моменту мы доходим до школы. Так вот почему он стал тусоваться со мной? Мне хочется сказать ему, что он ошибается, если думает, будто наши ситуации чем-то похожи. Но я не могу заставить себя это озвучить. И не знаю, пытаюсь я пощадить его чувства или свои. – Увидимся… – В этот раз я ухожу первой и без оглядки.

Глава одиннадцатая

Впервые за все время, что я себя помню, в магазин приходят сразу два покупателя, и оба нуждаются в консультации.

Я не особо лажу с детьми – вероятно, именно поэтому во время вечеринок я отправляюсь раскрашивать глаза, – так что мама, даже не обсудив это со мной, идет к женщине с маленькой дочкой, а мне достается дама в возрасте.

– Добрый день. Вам чем-нибудь помочь?

– Да. Я была у вас несколько месяцев назад – а может, с полгода, точно не помню – и увидела здесь куклу.

Видимо, продолжать она не собирается, поэтому я говорю:

– Придется с этим разобраться. Нам не по душе, когда в магазин заходят куклы.

У нее вырывается робкий смешок. Может, даже нервный.

– Знаю, нужно больше подробностей. – Она идет вдоль стены, пристально разглядывая каждую куклу.

Я следую за ней.

– Если сможете ее описать, я проведу опознание подозреваемых.

– Темные волнистые волосы, ямочка на левой щеке.

Женщина явно описывает себя. Многие влюбляются в кукол, похожих на них самих. Поэтому я внимательно рассматриваю женщину и пытаюсь определить, какая из наших кукол может быть похожа на нее.

– Тина, – наконец объявляю я. – Она сидела?

– Да. – Женщина широко улыбается. – Да, кажется, ее звали Тина.

– Она должна быть здесь. Сейчас гляну. – Иду в угол магазина, где последний раз видела Тину, но ее там нет. – Пойду посмотрю на складе. – Мы почти всегда снова заказываем тех же кукол, что у нас уже купили.

Боковая стена склада занята полками, на которых стоят огромные коробки с куклами, отчего помещение немного похоже на склеп. На каждой коробке написано имя. На средней полке замечаю «Тину». Подтаскиваю лестницу и достаю коробку, которая кажется слишком легкой.

И только на полу, порывшись в упаковочном материале, я понимаю, что куклы нет. Странно. Пару секунд я в недоумении рассматриваю пустую коробку, а затем возвращаюсь в торговый зал и перебиваю маму на полуслове:

– Простите. Мам, можно тебя на минутку?

Она поднимает палец, прося меня чуть подождать, заканчивает разговор с клиенткой и идет со мной за стойку с кассой:

– Что случилось?

– Я пошла взять Тину со склада, но, похоже, ее похитили.

– Ох да, извини. Я недавно продала ее и, должно быть, забыла положить в ящик карточку с ее именем.

– А, понятно. Просто я испугалась. Скажу клиентке, что мы можем ее заказать. – Я направляюсь было к покупательнице, но мама тихо окликает меня:– Кайман.

– Да?

– Может, сначала попробуешь продать то, что у нас есть, прежде чем заказывать еще одну куклу?

Я киваю. Конечно. Теперь все встало на свои места. Мама хочет сначала продать то, что есть, и только потом делать новый заказ. Хорошая идея выбраться из долговой ямы. Мне становится намного легче от мысли, что она знает, как убрать красное число из бухгалтерской книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Crusty Toads (англ.) – противные жабы. – Здесь и далее прим. переводчика.

2

Caveman (англ.) – пещерный человек.

3

Генри назвал парня Tic, Кайман Tick (в переводе с английского «клещ») – оба слова произносятся одинаково.

Купить: https://tellnovel.com/ru/uest_keysi/rasstoyanie-mezhdu-nami

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить